

Том Первый Я простой смертный, который встретил в обыкновенном кафе раненого величайшего святого - Полная

<https://litres.ru/74308269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герой получил море сознания с безграничным потенциалом роста силы, вопреки порядку мироздания. Законы и правила миров бессильны ограничить рост его силы в любом царстве. Никто не может почувствовать, что он обладает морем сознания, остальные ощущают только его слабость. Как найти ответы:

1. Как пользоваться и наращивать своё море сознания
2. Как постигнуть техники и где их найти
3. Как получить или сформировать меридианы, точки силы, корень жизни, особую кровь, сердечный прилив, продолговатый древесный мост — ведь он смертный и у него их от природы нет
4. Как не раскрыть свою силу, ведь море сознания — это потенциал, а не абсолютная власть
5. Как стать ещё сильнее

6. Как выжить среди интриг, коварства и обмана лицемерных высших миров

7. Как достать реликвии, пилюли, артефакты, редкие растения, получить доступ к более густой энергии жизни, не умерев за это

8. Как пройти через миры, где сила — главный аргумент и за ней последнее слово, а в тебе огромный потенциал, но ему нужны ресурсы

Том Первый

Я простой смертный, который встретил в обыкновенном кафе раненого величайшего святого - Полная

Всё перевернулось всего за два судьбоносных дня. С этих событий прошло совсем немного времени, но я уже непойму кто я, какой силой обладаю и где её граница. Всё пошло вопреки законам природы, наперекор судьбе и порядку. Сейчас мне кажется, что я стал ошибкой, нарушившей устои мира. Пока было мало что понятно, но ответы приходят очень быстро.

Раздел 1 – Миры, море сознания и возможность

Законы и правила мироздания отрицали дисбаланс: они

были точны, выверены и строго гармоничны для всех, без исключения. Никто — ни в мире смертных, ни в высших мирах — не мог преступать порядки и логику миров. Тут не мог родиться избранный или уникальный человек; миры были насквозь правильные, обыкновенные и рационально сформированные, но оказалось, что избранными и уникальными могут стать причины и следствия. Не я стал особенным, а события, происходившие вокруг меня, были сами по себе исключительными — мне же пришлось барахтаться в этой глубокой и не всегда чистой реке.

Меня зовут Наор. Обожаю читать и познавать мир. Сколько себя помню, я всегда стремился найти ответы о природе человека. «Кто мы, зачем мы, для чего мы?» — эти вопросы заводили меня в глубины разных знаний. Хотел понять роль человека. Поэтому долго и упорно исследовал разум, ведь он мог отличить добро от зла, а это, как мне казалось, высшая мудрость.

Однажды, года два назад, я осознал, что в основе природы вещей лежит добродетельное начало. Ведь чтобы подобраться к истине, человеку сначала нужно узнать подлинные названия вещей; чтобы их узнать, человеку нужен крепкий разум; чтобы разум был крепким и зрячим, человек должен

давать ему питательную пищу. Исходя из этого: разуму, по сути, свойственно исследовать справедливость и истину, которых в достатке именно в правде, поэтому для разума она усвояема и питательна, а всё, что ложно, разуму только вредит.

Зачем человеку истина? Ведь когда мы задаёмся вопросом о бесконечности мироздания, нас интересует не ложь, а достоверный ответ. Когда мы размышляем о возможности обрести бессмертие, мы жаждем подлинного знания — правды. Когда пытаемся понять, существует ли душа, мы ищем подтверждение, а не вымысел. Когда ищем рецепт счастья, мы рассчитываем на честный ответ. Когда думаем о сохранении здоровья или о способах излечения от болезни, нам нужны реальные сведения, а не пустые обещания, т. е. правда. И наконец, когда речь заходит об исцелении душевном или телесном, нам также нужна правда, иначе — смерть. Вот какая цена у правды и насколько она дорога.

Существуют такие вопросы, ответы на которые определяют само наше существование. Если ответ правда, человек продолжает жить полноценной жизнью, ощущая себя частью мира, в конце концов он просто выживает. Если же ответ ложен или мы просто не знаем его, то человек мертв. В самом начале стоит подчеркнуть, какую высокую цену имеет истина. Ведь если она восторжествует, то за ней последуют сво-

бода, знания, чистая совесть и процветание как для отдельного человека, так и для всего общества.

Именно эти рассуждения посеяли во мне пустоту и боль. Мир смертных, мой мир, огромная и необъятная вселенная, также жил по беспощадным порядкам сильных. Жалости и милосердия здесь было мало, скорее люди носили лицемерную маску, за которой скрывалась боль, усталость, зависть и гнев. Деньги решали многие проблемы, а то, в какой семье ты родишься, имело решающее значение для обретения счастья. Деньги и власть держались рука об руку: закон гласил, что деньги приманиваются большими деньгами, как слоны приманиваются слонами. Поэтому, чем беднее ты был с рождения, тем вероятнее, что перед смертью будешь ещё беднее. Та же арифметика была и для богатых. Богатство не зависело от количества ума, оно зависело от отсутствия совести.

Такое положение терзало бессилием и формировало горечь, а самое главное — спровоцировало появление зернышка моего моря сознания. Негодование от жестокости людей, носящих лицемерные маски, от несправедливости и невежества, разъедающих наше общество, от голода и страданий невинных детей, заставило разум сопротивляться, доказать, что милосердие и добродетель — это и есть истина, так как это единственный путь выживания для людей. Каркасом моего моря сознания стали пространство, свет и тьма. Страх и гнев сковывали мысли, когда я понимал, что истина будет такой, о которой скажут завтра, ведь возможность говорить будет у того, кто не умер вчера.

Эта пустота, которая начала сковывать голову, и стала отправной точкой просто немыслимых событий. Тогда показалось, что люди недооценивают объемы и нескончаемость логики, и я предположил, что случайность и судьба для нас — это абсолютно закономерная логика для более совершенного разума.

Высшие миры, о которых мне тогда вообще было неизвестно, жили по опасным и хищным правилам. В этих царствах власть зависела от уровня практика. Практик, как указывалось выше, — это человек, вставший на путь возвышения;

для этого он культивировал энергию жизни и силу природы, становясь сильнее, а значит, могущественнее. Деньги в роли достижения абсолютной власти здесь были второстепенным ресурсом: они лишь помогали приобрести нужные товары для культивации, что ускоряло восхождение культиватора. Этот мир не прощал слабости, а уважали здесь только стадию совершенствования практика: чем выше она была, тем весомее было его слово и правда — ведь мертвый всегда лоялен к твоим аргументам. Слабаки пресмыкались перед сильными, они были осторожными, льстивыми и хитрыми. Каждый их неосмотрительный шаг мог быть последним.

Я был щепкой в огромном океане хода событий. Не имея ни меридианов, ни точек силы, ни корня жизни, ни особой крови, ни сердечного прилива, ни продолговатого древесного моста, ни шишковидной капли света и тьмы, ни луча основы, ни ритма клеток — тем более не сформировав ядра основы, духа-зародыша, обратного взгляда, — я уже создал море сознания, но пока об этом не подозревал. Оно могло появиться только у могучего практика в высоком мире. Да, это было вопреки законам миров, но стечение обстоятельств, причин и следствий, произошедших со мной всего за два дня, перегрело ход возможных событий и создало ошибку.

Правила начали шататься, когда четыре вещи (золотой плод Мирового Древа, серебряное кольцо Власти, камень Яхонт, стебель Карон) с невероятными свойствами оказались у святого старика Ха, но волею случая в ходе судьбоносной битвы он был сброшен в самый пустой мир — мир смертных, где мы встретились. Наверное, судьба хотела убить его, ведь он овладел теми вещами, используя которые в определённом порядке можно было не следовать правилам, а питаться ими, игнорировать их — пользоваться ими как хозяин. Старец был ранен и не знал, какие возможности были у него в руках.

Повторюсь, что наш смертный мир и все высшие миры имели в своей основе строгие порядки, законы и правила, которые создавали баланс. Незыблемый свод поведения для любого существа. Нарушителей быть не могло: их искореняла судьба. Сильный мог быть сильным, но только как позволено. Строгий и выверенный алгоритм миров работал так, чтобы каждый имел шанс выбрать путь и сторону. Никто не мог стать владельцем истины. Всё, что смертные и бессмертные называли случайностью, было в руках большой, наивысшей закономерности.

Закономерность — это безальтернативная последователь-

ность. Родился с великой кровью — это не случайность, а атрибут равенства при скрещивании двух достойных особей. Их тернистый и сложный путь, в котором были большие дела, награждался даром в виде рождения особой крови. Но особая кровь — это заданный вариант развития с разрешённым уровнем силы, мощи и власти. Не было избранной крови, была более или менее редкая, или особо редкая. Даже если кровь была в одном экземпляре, она всё равно подчинялась правилам миров. Случайность повиновалась общим законам, ей разрешалось только выбирать: даровать или отбирать. Если мыслями и поведением довел до того, что у тебя надо «отбирать» — то неважно, что произойдёт: потерял палец, сломал ногу, утратил зрение, — главное, что колокол пробил, промежуток времени выделен и кара висит над тобой. Механизм законов уже сыграл твою ситуацию.

Да, мироздание было сурово и обладало чёткой иерархией. Смертный пустой мир не имел энергии жизни, целая вселенная строилась на научном прогрессе и мысленных поисках. Энергия жизни появлялась только со второго земного мира, но её было ровно столько, чтобы практик, дойдя до определённого уровня концентрации, не смог прорваться дальше; только возвышение в следующий мир позволяло культиватору сделать следующий шаг — это правило охранял запрет или законы мира. Сильный мог быть только до определённого предела в иерархии миров. Если сильный

ниспал в более низкий мир, его тут же подчиняли правила, и он превращался в слабого или калеку, а мог и запросто умереть.

Никто не мог совершить подлинную случайность. Если кто-то из смертных или практиков доходил до вопроса «почему так?» или «зачем это?», то неважно, в какой области он получил возможность спросить, главное, что за этим «зачем?» всегда есть или родился ответ. За любым «почему» был «ответ», за «ответом» всегда был «почему», и так они множились, пока разум ищущего не находил свой субъективный предел. Смертному или культиватору сложно было вообразить, что есть нечто грандиозное, подсчитывающее события тремя знаками — «плюс», «минус» или «равно» — абсолютно всё существующее и происходящее. Каждую мысль, каждый шаг, каждый вздох, каждый шорох травы, каждую каплю дождя, каждый атом и всё их взаимодействие между собой в любых измерениях считал великий механизм, а затем каждое мгновение, как великий судья, выносил строгие суждения, которые были настолько объективны, что каждый субъект выравнивался в общий порядок. Роли актёров получали сценарий с заданным стилем и поведением.

Это зерно пустоты позволило, вопреки всем правилам, сформировать своё море сознания в мире смертных. Такое положение дел сделало меня невероятно сильным, ведь мо-

ре сознания можно сформировать, только начиная с поднебесного мира, а до него от смертного ещё три... Мой разум сломал правила и подселился рядом с ними.

Раздел 2 – Кофе

Вот начало моей истории. А началось всё с кофе.

Мне нравился кофе. Угощался им систематически в любимом кафе в центре своего города. В заведении было всегда шумно, но именно это стандартное кафе, где поток людей не иссякал, стало моим входом в нечто, выходящее за рамки рациональных взглядов нашего мира людей.

Увидев старика высокого роста, статного дедушку, одетого в неуместный наряд, я не смог скрыть удивление. Это были вещи из прошлого, мантия серо-золотого цвета, которые, наверное, носили императоры или цари. Старик был побит и истощён. Но самое странное — это разноцветные ветра энергии, которые кружили вокруг него.

Он изнеможённо вывалился из какой-то технической ка-морки кафе. Помещение было маленьким, что очень странно: как он вообще туда поместился?

Затем уставший дед прошёл мимо всех и плюхнулся за

практически пустой столик, на котором стоял чей-то новый кофе. На него было больно смотреть. Старик словно выбивался из картины этого мира. Разум словно забывал про него, а глаза даже слезились. Мир хотел его выдавить или подавить, а может, подчинить — так казалось. Вокруг ни один человек его не видел, а я с трудом его ощущал. Все люди ходили, словно ни этого деда, ни столика, за которым он пребывал, ни этого пространства вокруг него просто не существует. Взор не признавал существования дедушки в нашем углу пространства-материи и времени; старец был чужим. Возможности ума словно не могли соизмерить его с реальностью.

Хочу немного поделиться своими мыслями и воспоминаниями того дня:

Дедушка был избит, и мне захотелось ему помочь, но шагнуть к нему не позволяла память, которая утрачивала образ этого старика. Поэтому пришлось сразу вернуться назад. Это было что-то фантастическое, а ситуация притягивала намного сильнее. Вот только что мир вокруг был настолько современным и обычным. Вся повседневность была подлинно логичной, без намёка на нечто, выходящее за пределы нормальной человеческой жизни, и тут этот старик.

Но больше всего удивляло то, что было тяжело смотреть

на этого пожилого дедушку: складывалось впечатление, что он исчезает из пространства, будто бы этот дед слабо мигает, а вокруг постоянно происходит искажение пространства. «Этот старик — то ли призрак, то ли настоящий?» — удивился в мыслях я тогда.

«Пространство что, прячет его или пытается выдавить, а может, подавляет?» — продолжал обдумывать ситуацию. «Что вообще происходит? Это наяву?» — думалось мне, периодически трогая свои напряжённые виски пальцами рук и щурясь в сторону старика.

Тем временем старик был погружен в себя и вроде что-то бормотал. «Вокруг него эти цветные ветра или нити, они еле заметны... Что, я всё-таки сошёл с ума? Почему все его игнорируют, а официант даже не подходит к окровавленному старику? Такому явно нужна скорая?» — думалось мне, глядя в сторону старика.

Обведя взглядом зал, я окончательно уверился: на странного старика не смотрел никто. Совсем никто. Словно того и не существовало — ни для официантов, снующих между столиками, ни для посетителей, занятых своей беседой. «Но почему так? Дедуля же явно ранен, а одет как факир в день великого представления», — в который раз подумал я, и от этой мысли по спине пробежал холодок.

Привстав, я сделал шаг, другой — в сторону загадочного силуэта; опять почувствовалось, что пространство качнулось, и перед глазами поплыли мутные круги. «Что за чертовщина? Теряется связь с реальностью», — пронеслось снова в голове; затем, повинувшись внезапной слабости, я опустил-ся обратно на стул.

Подозвал официантку, ту самую, что принесла мне кофе.

— Да, вы что-то ещё хотели? — улыбнулась она.

— Девушка, вон там, за тем столиком, сидит дедушка. Ему явно плохо. Помогите ему, пожалуйста.

Официантка кивнула и послушно обернулась. Но, взглянув в указанную сторону, она тут же перевела взгляд обратно, и в её глазах не промелькнуло ни тени узнавания. Она вообще не увидела этого старика.

— Так вы что-то хотели? — повторила официантка, чуть склонив голову.

Я замер, потупил взгляд в столешницу и выдавил:

— Нет... нет, спасибо. Всё в порядке.

«Да что за чертовщина здесь происходит?» — мои виски били и пульсировали.

Казалось, само пространство прятало старика, заталкивало в тень, стирало из этого мира — или пыталось выдавить.

«Ладно, может, всё это мерещится? Пора домой. Выплюсь — и всё пройдёт», — решил я, оставил щедрые чаевые и направился к выходу. Но даже на пороге, уже взявшись за ручку двери кафе, я обернулся. Старик всё так же сидел в кресле за пустым столиком, с закрытыми глазами, неподвижный, будто изваяние. Посетители обходили его стороной, не замечая, — как ручей обходит камень.

«Наконец-то дома. Хорошо, что вечер и выходные. Надо просто выспаться», — подумал я, закрывая за собой дверь уютного одноэтажного дома. Спальня с большими раздвижными окнами выходила прямо на лес — тихий, тёмный, дышащий ночной прохладой. Вечер был тёплым, погода — почти летней. Приняв душ, я лёг в мягкую, пахнущую свежестью постель и уставился в потолок.

«Теперь-то выплюсь... Хотя нет, не могу забыть этого старика», — мысль пришла сама собой. Повернув голову к окну, я взгляделся в ночное небо, усеянное звёздами, и усмех-

нулся: «Может, это местный бомж? Или директор этого кафе? Поэтому его все знают... или он всем нафиг не сдался. Ладно, хватит иронизировать. В нашем мире нет места мистике».

Я закрыл глаза, и сон мягко накрыл пелиной, унося прочь и мысли, и тревоги. Но где-то на границе яви и дрёмы мне почудилось, что в темноте за окном, среди деревьев, кто-то медленно открыл глаза.

Утром тайна сорвала меня с дивана. Я быстро оделся, так как не мог забыть этого старика. Сон только усилил жажду узнать, что же это было. Я сразу подумал о телефоне, и вдруг пришло на ум: «Почему не сфоткал этого загадочного старика?». Поэтому я быстро накинул чёрное худи, надел чёрные джоггеры, обул белые кроссовки, сел на чёрный спортивный мотоцикл и поехал обратно в кафе.

«О Боже! Старик похож на сказочного волшебника, и на том же самом месте», — мелькнуло в голове. Шагнув внутрь, я бесшумно скользнул к тому же столику, что и вчера, и опустился на стул. Взгляд сам собой прикипел к незнакомцу: старик по-прежнему был окутан призрачным коконом из тусклых, переливающихся нитей, медленно вращавшихся вокруг его фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.